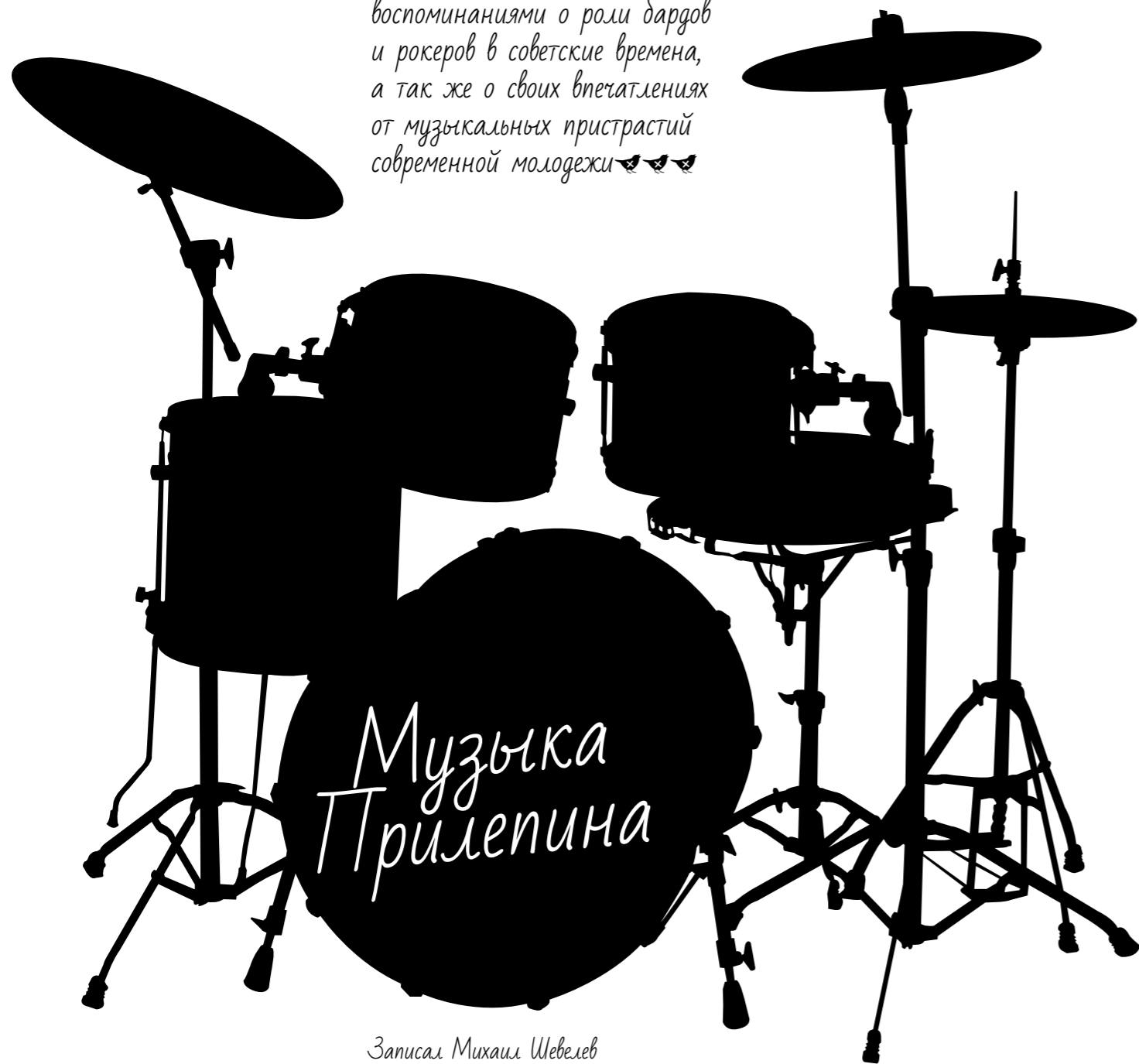

Один из главных приводных ремней фестиваля «Открытая книга» — писатель Захар Прилепин — заглянул в литературную гостиную зрительницы и поделился со старшеклассниками своими воспоминаниями о роли бардов и рокеров в советские времена, а так же о своих впечатлениях от музыкальных пристрастий современной молодежи 🐦🐦🐦

Записал Михаил Шелест

Я думаю о том, что для людей моего поколения — 60–70-х годов рождения — музыка и песенное искусство были, скорее, особой субкультурой, чем искусством в чистом виде. Песни стали местом, где отражались все наши чаяния, надежды, где формировался наш словарь. И то, что пели рок-музыканты, — в принципе не могли сочинить барды. Сама словарная система изменилась. Я позволю себе процитировать «Пригородный блюз» Майка Науменко, одну из культовых песен нашей молодости, которая начинается словами: «Я сижу в сортире и читаю Роллинг Стоунз, Веничка на кухне разливает самогон...» Представить, к примеру, Булата Окуджаву, который это поет, невозможно в принципе. И советская интеллигенция возмущалась: «Ах, какой ужас! Посмотрите на этих молокососов с длинными волосами, которые поют черт знает что! Кромешный ад, деградация!» Прошло время, мы оглядываемся и понимаем: ничего страшного тогда не было...

Мои родители переписывали от руки или набирали на печатных машинках строчки Окуджавы или Дольского, тем более Высоцкого! И я подростком собирал в отдельную тетрадь все тексты песен Гребенщикова. Их психологическое воздействие было настолько сильное, настолько пробивающее насквозь, что, казалось, это и есть самая настоящая поэзия. Но сейчас я скажу то, с чем, наверное, согласятся немногие: все происходящее в песенной сфере не имеет никакого отношения ни к поэзии, ни к музыке. Невозможно сопоставить Олега Митяева и Александра Галича с Иосифом Бродским, Осипом Мандельштамом или Сергеем Есениным. Песня действует только при особом наборе составляющих. Вот голос Высоцкого, его страсть, мощь, мужская харизма, жилы вздутые на шее и гитара периодически расстроенная... Все вместе и пробивает. А когда начинаешь разбирать на составляющие: да, есть неплохие и запоминающиеся мелодические рисунки, строчки, периодически очень точно сделанные, да, это любопытно. Но ведь не Петр Ильич Чайковский и не Модест Мусоргский! То же касается и поэзии. Она действует только в определенном сочетании — с этими струнами и именно с этим голосом. Я говорю не только о Высоцком и Окуджаве, а вообще обо всем чудесном бардовском мире, о замечательных именах: Евгении Клячкине, Юрии Кукине... Зачастую многое у них срифмовано через пень-колоду, но когда их слушаешь — все удивительным образом совпадает и действует.

Если сейчас подойти к книжной полке в магазине — можно ужаснуться. Люди пребывают в каком-то нелепом убеждении, будто услышанное ими

в юные годы и прочно запомнившееся, связанное с самыми яркими чувствами, — и является поэзией. На полке наверняка стоит сборничек Виктора Цоя, которого читать совершенно не нужно и бессмысленно, на бумаге это просто складушки детские, но те же строчки в исполнении Цоя убивают наповал. Там же на полочке может стоять Лариса Рубальская, Андрей Макаревич... но только к настоящей поэзии это не относится, по большому счету, это потворство дурному человеческому вкусу. Люди открывают сборничек и как бы мысленно поют полюбившуюся песню, хотя, если не знать мелодию...

Пустынной улицей вдвоем
С тобой куда-то мы идем,
А я курю,
А ты конфетки ешь...

Это из Виктора Цоя, известная песня «Восьмиклассница». Откройте Есенина — и поймете разницу — если у вас есть хоть какое-то минимальное эстетическое чувство, вы определите, что в поэтическом смысле они не сопоставимы. Хотя это никоим образом не унижает ни бардовские песни, ни рок-музыку.

Со временем прошла раздраженность старшего поколения по поводу «небритых, немых и волосатых» рокеров. Уже в 2001-м Борису Гребенщикову вручили премию «Триумф», а потом еще какую-то Госпремию. Причем, это действие и не может вызывать вопросов: барды и рокеры стали вполне органичной частью культурно-песенного пространства. Конечно, сложно представить Егора Летова, получающего подобную премию, но Константина Кинчева в принципе уже возможно: он начал входить в такой патриархально-консервативный аспект нашей

Если сейчас подойти к книжной полке в магазине — можно ужаснуться. Люди пребывают в каком-то нелепом убеждении, будто услышанное ими в юные годы и прочно запомнившееся, связанное с самыми яркими чувствами, — и является поэзией.

культуры. Кинчев много общается с РПЦ, священники даже благословляют его на концерты и выступления как верующего человека. Хотя, когда Константин первый раз зашел в храм, кажется, в 89-м — священник его просто выгнал, раскачивая кадиллом, типа «бес, уходи отсюда!» Зато теперь священник приходит на пресс-конференцию Константина Евгеньевича, и понимает, что тот выполняет очень важную работу, поет правильные песни, хорошие... Я недавно был на концерте Кинчева и видел как у сцены стоят подростки и хором поют... Так случилось, что Кинчев поет уже лет тридцать, а публика у него всегда одного возраста — до 20-ти лет. Я там был самым взрослым — пришел с женой и старшими детьми. Но, так или иначе, «Алиса» в нашу социальную культуру вписалась на всех основаниях.

И барды поначалу вызывали неприятие.

В советских газетах шла кампания, мол, «что это за люди, которые

еле бренькают на гитаре...» Тот же Булат Окуджава всю жизнь выступал с гитарой — лет 40 или 50 — а играть толком, прямо скажем, так и не научился. Было у него полтора переборчика, с помощью которых он исполнял свои песни, — но, безусловно, трудно его считать музыкантом. Хотя позже серьезные композиторы говорили, что некоторые мелодии Окуджавы — просто очевидные удачи. Но с точки зрения элементарного музыкального образования — практически все известные барды были глубокими дилетантами. Но потом понемножку стали вписываться даже в советский контекст. Начали выходить диски-гиганты Окуджавы, маленькие пластинки Высоцкого — их штук шесть вышло, его песни можно было услышать в фильмах.

Когда в 80-м умер Высоцкий, возникло ощущение, что у бардовской, авторской песни должна появиться какая-то смена, новое поколение, где проявятся свои масштабные фигуры. Но не возникло больше такой глыбищи...

И год за годом стало выясняться: как эта субкультура явилась, так она и закончилась на тех же самых фамилиях. Никакого

обновления не произошло. Но на авансцену вышла рок-музыка: Александр Башлачев, Борис Гребенщиков, Виктор Цой, который свое самурайское слово произнес очень точно, очень верно. В его пути все было цельно. Цой как комета влетел в музыку, и с каждым альбомом летел под колеса «Икаруса», который его и задавил. В этом смысле Цой являет собой законченный рок-миф, он стал первой нашей рок-легендой после Башлачева. Виктор Робертович — сам по себе предмет удивления и подражания, его лицо, повадка, безупречная пластика... Когда я был подростком, стены моей комнаты были увешаны портретами этих музыкантов, но мама с папой, воспитанные на Высоцком, не оспаривали меня. И мне на рубеже 80-х и 90-х казалось, что у такого мощного начала рок-движения будет замечательное продолжение, какая-то новая музыка, новая жизнь, потому что рокеры принесли понятие свободы, гордости, смелости и мужества.

Но, как ни странно, и у всех мастодонтов нашей рок-музыки, в лице Цоя, Кинчева, Михаила Борзыкина, БГ и прочих — тоже не народилось следующего поколения, как и у бардов. Появилась группа «Сплин», пожалуй, единственный пример законченного эстетического продукта в данном жанре. Би-2 ушли в сторону поп-музыки. Быстро исчезли «Запрещенные барабанщики», а жаль — хорошая была группа. Так возникло ощущение паузы...

Между тем, в девяностые годы родилось и выросло уже новое поколение, которое требовало других слов и бытийных понятий — чтобы «рассказали про них». Безумное поколение, которое было брошено на произвол судьбы. У нас и школа пошла неперекосая, детьми никто не занимался, потому что родители, главным образом, пытались

свести концы с концами, как-то заработать на жизнь. Выяснилось, что рок-музыканты не особенно понимают, что происходит. У БГ была в 80-м песня «Где та молодая шпана, которая нас сотрет с лица Земли?» Ее не было лет 20–25... То есть тех самых, кто мог бы стереть предыдущее поколение. Понятно, стереть в переносном смысле — стариков-то уже ни задушишь, ни сотрешь. Они останутся в истории, пока есть русский язык. И тут, наконец, появились эти самые рэп-музыканты...

Они появились раньше — была история с Дельфином, еще какие-то отдельные всплески — но для меня моментом откровения стал 2007 год! Почти одновременно вышли альбомы Ноггано, Нойза MC, альбом «Только для своих» группы 25/17 и альбом Виса Виталиса. Да, весь рэп-поток понес массу всякой мути, дряни и полной духовной порнографии. Объяснение достаточно простое. Как правило, в рок-музыку (я уж не говорю об авторской песне) — шли люди более или менее образованные. Гребенщиков, Кинчев, поступили в вузы, чему-то учились, правда, потом их по разным причинам изгнали. Цой тоже не получил высшего образования, но все равно эти личности, даже если просто оценить содержание их песен, занимались в жизни самыми разными делами: увлекались какой-то актуальной в ту пору литературой, углублялись в философию, историю. Того же БГ заносило в духовные восточные практики, и Цой туда же следом подался. Они приходили в рок с каким-то своим бэкграундом, культурным запасом. Гребенщиков в песне «Иванов» мог петь про того, в ком угадывался он сам: лирический герой, у которого в одном кармане лежит Жан-Поль Сартр, а в другом — три рубля на пиво.

Представить, что у сегодняшнего рэпера лежит в кармане Жан-Поль Сартр — невозможно. Он скорее подумает, что это ругательство французское. Рэп-музыканты вышли из каких-то окраин, низов нашего общества — из той самой наркоманской среды, и вид у них был соответствующий. Люди со стеклянными глазами, которые на кумаре очень быстро произносят какие-то невнятные речи — и, конечно, у всех возникало ощущение: «черт знает что происходит». Только такой прешаренный человек как я, сразу понял: происходит нечто очень важное — это все не случайно.

Помню, когда я своим друзьям — поэтам, писателям, филологам — принес какие-то рэп-записи: «Послушайте ребят, это то, чего мы ждали». Они некоторое время, просто из уважения ко мне, слушали, смотрели как на дикаря: «Да как ты можешь, мы же выросли на Гребенщико-ве! Мы же читали Бродского! Что ты принес, какой Ноггано? Выключи немедленно!» Я их начал приучать — мои дни рождения отмечаются в лесу, в деревне, на берегу реки Керженец, а дорога туда непроходимая, до-

ехать можно только на внедорожнике. Я собираю в деревню всякую интеллигенцию со всех концов страны, музыкантов старшего поколения, актеров, писателей... Оттуда они разбежаться не могут — я выставляю колонки на второй этаж и включаю к ужасу всей деревни рэп... И как-то однажды такой эстетствующий товарищ, как Митя Ольшанский, один из самых замечательных социальных философов, мыслителей нашего времени — вдруг в фейсбуке написал: «Захар меня убедил за три дня — рэп-музыка это то, что пришло на смену рок-музыке, это совершенно очевидно».

Хотя поначалу друзья отнекивались. Как они слушали Гребенщикова, так и будут слушать. Тем не менее, мне рэп-музыка стала близка, я в машине переслушиваю десятки пластинок — все новинки. Но дело, конечно, не в моих личных ощущениях, а в том, что рэп-музыканты — лучшие из них — стали каким-то образом до-развиваться. Например, Ноггано, который начинал как Баста, и был совершенно розовый, мыльный, с песнями для девочек начальных классов, под которые можно только головой покачивать и как-то пританцовывать. Неожиданно началось его взросление — и проявился человек, который все более и более изысканно выражает собственные мысли, а не рифмует какие-то трафареты, типа «ты ко мне пришла, я от тебя ушел, нам было плохо, а теперь нам хорошо». Проявляются какие-то реальные, четко оформленные чувства. Ноггано признался, что учился у такого исполнителя как Гуф, но потом они рассорились. Гуф не умеет просто писать вообще о чем-то. Он сочиняет тупо про то, что чувствует сам — у него это достаточно хорошо получается. «Вот я ругался с Айзой, а вот мама приезжает, а вот мне плохо, я сейчас умру, я еду в электричке» — и там все правда. Все знают биографию Гуфа по его песням, он ее понятно изложил. И Ноггано решил, что можно не просто сочинять про какого-то лирического героя, которых уже миллион было и будет, а рассказывать конкретно о своей жизни. У него есть замечательная песня «Дурка», написанная под впечатлением от лечения в психбольнице. В ней все точно сказано с точки зрения психологии и всего остального...

Так я, наконец, разглядел новое, молодое поколение, оно стало мне понятно по своим песням, прояснилось, чем оно живет, что думает, что пережило... То поколение, которое моя теща называла «поколением маугли». Маугли, которые были выброшены в лес, но только не в джунгли, а в городской лес, в котором они где-то лазили, учились знаками обозначать свои мысли, и выросли до такой степени, что стали придумывать биты — и сочинять на эти биты какие-то вещи. Поколение Маугли «оязычилось». Не стало язычниками, а получило свой словарь, обрело язык через свою субкультуру.

**Представить,
что
у сегодняшнего
рэпера лежит
в кармане
Жан-Поль
Сартр —
невозможно**

К примеру, Нойз MC. Он мне не близок, он не достаточно взрослый для меня, хотя с точки зрения текста, рифмы он, конечно, молодец. Кстати, Нойз первый решил выступить с живым составом, живыми музыкантами. Он хорошо знает поэзию, любит Игоря Северянина, вообще Серебряный век — и это видно по качеству его текстов. А вот когда слушаешь Птаху, ясно, что он не читал ни одной книги в жизни и никогда не прочитает, его развитие закончилось раз и навсегда. Он просто может сидеть в своих очках, надвинутой шапке — и все. Какой Птаху был, таким и уйдет на тот свет. Дай Бог ему здоровья.

А Нойз более развитый, не говоря уже про Ноггано, который стал настоящим артистом: он с помпой приходит в «Крокос Сити Холл» с кучей музыкантов, оркестром — и отлично слушается! Он пытается стать еще взрослее, еще сложнее. То же самое происходит с моими друзьями и соавторами из группы 25/17, которые начинали как рэперы с движухой такого правого толка, а постепенно стали все более усложнять свой музыкальный посыл. То, что они делают в проекте «Лед 9», вызывает безусловный интерес во всех смыслах. В последнем их альбоме, который называется «Искушение святого простолюдина», фактически выложена философская система Андрея Бледного-Позднухова, его представления о том, куда движется наш мир. Эти записи можно уже показывать без стеснения любым взрослым людям. Если они переживут непривычный музыкальный строй, то поймут, что речь здесь идет о серьезных вещах.

Но в целом в рэпе есть одна большая проблема, родовая травма, от которой им, видимо, никогда не избавиться. Заковыка в том, что и БГ, и «Машину времени», и «Кино» слушали люди, как минимум, не менее образованные, а то и более образованные, чем сами музыканты. Я закончил филфак Нижегородского университета — и там половина преподавателей слушали рок-музыку. И у Гребенщикова или Макаревича было ощущение, что они разговаривают с людьми, которые их полностью понимают. И даже если станут говорить сложнее и гораздо сложнее — все равно они найдут публику, которая правильно отреагирует на это. То же чувство было у Егора Летова — возможно, напрасное: с ним произошла довольно обидная история — все потому, что армия поклонников «ГрОб» была слишком огромной. Я помню, когда мы привозили Егора в Нижний Новгород в девяностые годы — он собрал там едва ли не стадион. А спустя пять лет, еле-еле заполнялись маленькие залы, а через десять лет вообще приходило человек тридцать. Вся огромная армия панков, опившись пива, разбежалась неведомо куда. Летов изначально разговаривал не с теми людьми, хотя он был уверен, что они его понимают. А пьяная толпа ни черта не понимала, кроме того, что он матом поет. Это

единственное, что их привлекало. Притом, что Летов совершенно замечательный с точки зрения стихотворчества...

В рэпе ситуация отчасти схожая с летовской. Слушатели рэп-музыки не только моложе музыкантов и плохо образованы — как в случае Летова, но даже у самих музыкантов явный недостаток образования. И слушатели требуют именно того контента, который соответствует их умственному состоянию. Есть, конечно, ребята, которые читают книги и понимают какие-то более сложные смыслы, но основная армия нынешних российских подростков увлечена другими вещами. Любое более сложное высказывание группы 25/17, или «Льда-9», или Ноггано, конечно, может вызвать некий ступор. «Ну вот это как-то не прикольно, тут я чота не понял, что он сказал, это зачем?..» А парень-то снял умный клип, вложил всю душу, свой только начавший зарождаться музыкальный и поэтический дар — вывесил этот клип на ютубе — и видит, что его не самая умная песня «Зайка» (или «Койка», не важно) набирает полтора миллиона просмотров, а его самый выстраданный клип — несколько десятков тысяч. И музыкант думает — а нафиг я буду париться? Если люди не очень хотят это слушать — давай-ка я лучше сочини какую-нибудь бодрячковую песню, в которой все понятно. И в итоге музыкальные группы в муках начинают идти на поводу у своей огромной публики.

Недавно был концерт 25/17 — и десяток человек пришло просто взрослых мужиков с философским образованием и все внимательно слушали, даже невольно начинали покачиваться в такт. Но в целом они не составляют большинство на ютубе — и в этом смысле молодое поколение не дает взрослеть и уметь самому рэп-движению. Понятно, что исполнитель по имени Гуф даже не собирался взрослеть и уметь: у него есть одна и та же вечная песня на тему «мама, я опять обдолбился, Айза, прости, я опять был не прав». Он ее сочинил пять лет назад, и будет сочинять еще лет двадцать. Гуф, ну, надоело уже, у тебя есть какие-нибудь другие истории из жизни? Ты был в Китае, у тебя жена Айза — мы это выучили наизусть, давай дальше вторую серию... а второй серии не будет. Но вторая серия могла бы быть у Басты-Ноггано. Вторая и третья серии могли бы быть у 25/17...

А есть еще один замечательный рэп-исполнитель — Вис Виталис — но его посыл оказался куда более сложен для молодого поколения, его сразу восприняли довольно отчужденно. Это совершенно взрослый, сложившийся человек. Когда он появился, Илья Кормильцев, автор группы Наутилус Помпилиус, пришел в полный восторг: «Вот оно! Это дети того рок-н-ролла, наконец-то они начали появляться!» Но, повторюсь, посыл его оказался чрезмерно сложным, в нем не было ничего ни про дурку, ни про травку... У Виталиса есть

определенная публика, но на перемене в школе его тексты с телефона слушать не будут. Я понимаю, что дело только в одном: если нынешнее поколение будет взрослеть, если будет уметь и ставить для себя более высокую планку, чем поставлена ныне, — то уже не музыканты будут его доразвивать, а молодые слушатели музыкантов будут давать им импульс к развитию. «Ребята, мы вас поняли, давайте вторую серию, третью! Давайте сложнее музыкально, поэтически!»

В этом смысле все зависит от вас, молодых. А что должно случиться, чтобы вы развивались — надо читать книги. Ни один человек не станет умнее от тысяч часов в фейсбуке. Ни один не стал интеллектуалом от просмотра ста каналов телевидения. Ни один человек в соцсетях не научился тоньше чувствовать. Да, мы там сами зачастую реализуем какие-то свои комплексы. В соцсетях легко быть смелым, саркастичным, ироничным, легко чувствовать себя со всеми на равных — но можно заиграться... Ведь это не жизнь, а пространство вне жизни. Его можно использовать как какую-то одну из составляющих, одну сотую нашего жизненного пути — но все свои страсти, всю свою ярость, боль, возможности, заменять жизнью в сети — глупо.

Все происходящее в мире, все самое главное совершается людьми гуманитарной культуры. Да, у нас была достаточно сложная эпоха в девяностые годы, когда казалось, что люди с баблом и охраной определяют наше бытие. Но не так давно случились массовые протесты. И я заметил забавный момент: митинги «против» возглавляли писатели и журналисты — Быков, Парфенов, Акунин. Митинги «за» возглавляли публицист Кургинян и писатель Проханов. Свой митинг был у Лимонова. А сверху за всем это действием наблюдал такой деятель, как Владислав Сурков, известный как писатель Дубовицкий. У нас на глазах происходит «битва писателей», журналистов, битва людей гуманитарной культуры. Никакие генералы с их лампасами и дачами, и даже с их полками ОМОНа, никакие политики, которые работают при помощи спичрайтеров, в конечном итоге, не составят конкуренции гуманитариям. И так было во все времена.

Управители нашего великого государства российского тоже в какой-то момент разучились читать книжки, и если вчитаться в дневник Николая II, мы увидим, что это был человек банальный, неглубокий. И вдруг пришли те, кто называл себя литераторами, — Ленин, Троцкий, Бухарин. Все они написали десятки томов сочинений —

и снесли к чертям огромное государство, казавшееся такой незыблемой твердью... Так было всегда и во все времена — все религии начинались с того, что приходил человек со словом, с текстом, с проповедью — и нес гуманитарное знание. А оно обретается только в книге, только в тексте, только оттуда! Я никого не призываю разрушить этот мир, упаси Бог! Но все, что мы хотим сделать с собой, все самое важное, что мы будем делать в своей жизни — неизбежно получится, если мы чуть больше расширим свои горизонты восприятия мира. И это по большому счету будет связано с текстом. Выигрывает в мире человек, который понимает текст, может озвучить его, пересказать, написать. И вообще все, что в мире есть, — это текст. *БК*

Все происходящее в мире, все самое главное совершается людьми гуманитарной культуры